

*Писатель обязан, несмотря ни на что,
держаться ориентир только на правду...*

Б.А. Можжев

04/2019

Голос Эпохи

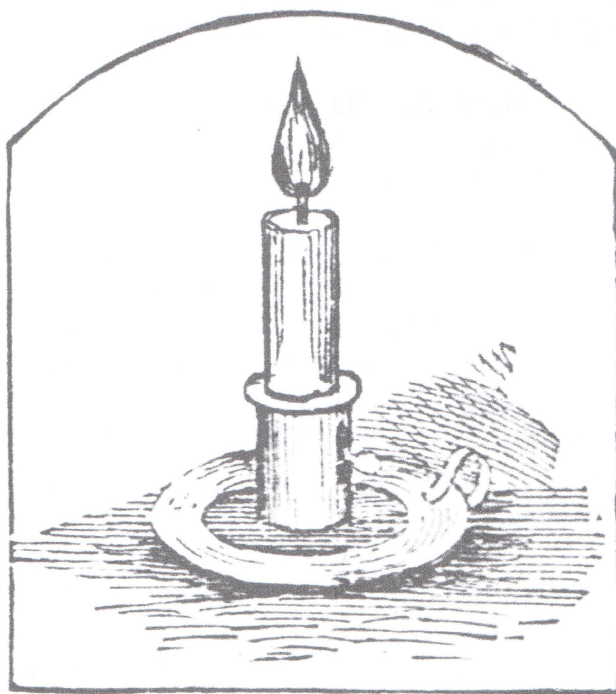
Литературно-общественный журнал

ГОЛОС ЭПОХИ

литературно-общественный журнал

Выпуск 4, 2019 г.

РПО им. Императора Александра III

«Традиция»
Москва, 2019

ПЯТЬ ДНЕЙ В ШУМЛЕ

(Главы из романа «Стрекозка Горгона»)

Апрель, 1829 год

Глава 1

Перед выходом из леса долго всматривались в заснеженную равнину, на которой местами виднелись небольшие заросли кустарников. Вблизи ни турок, ни их следов не было видно, ничего подозрительного. По снежной целине двигались рысью туда, где вдали темнела гряда покрытых лесом гор. Нужно проехать почти пятнадцать верст по открытой слегка всхолмленной местности. Когда удалились от леса верст на семь, казак закричал: «Гляди справа!». Это надвигалась темная масса турецких конников. Драгуны и казаки перестроились, изготовляясь к бою. А полковник Липранди приказал: «Пандуры, за мной!», подпоручик Целищев последовал за ним. Пока полк будет сдерживать противника, им нужно доскакать до спасительного леса. Кони шли крупным наметом; партизанам местность знакома, они уводили маленький отряд по дороге, покрытой недавно выпавшим снегом.

За спиной остались товарищи, они принимали бой ради него, чтобы Целищев, избранный полковником Липранди для выполнения особой миссии, смог проехать, куда нужно. Началась перестрелка. «Только б не дошло до рукопашной!» - молил он. Пока турки и русские лишь издали обстреливают друг друга, больших жертв не будет, а если в ход пойдут палаши и ятаганы, исход битвы может быть очень плачевным. Турки, похоже, поняли, для чего русские вышли на равнину. От их основного отряда отделилась часть всадников и скакала за партизанами. Командир пандур Цветко развернул коня, скинул с плеча ружье, его примеру последовали остальные. Целищев прицелился в турка, возглавлявшего погоню. «Бить по коням!» - приказал Цветко. Залп - и лошади преследователей, споткнувшись, перекувырнулись, роняя и подминая седоков. Тот, в кого стрелял Николай, выпал из седла, взмахнув руками. Партизаны поскакали вперед, на ходу загоня патроны в дула. Затем Цветко снова развернулся, вскинул ружье, а полковник приказал: «Целищев, за мной! Пандуры знают свое дело, справятся без нас!»

И вот лес, тропа, ведущая в гору. Звуки выстрелов отдалялись. Выехав на гору, полковник достал подзорную трубу, посмотрел в нее.

- Подпоручик, думаю, с Вашими товарищами все в порядке. Не похоже, что бой слишком жаркий, - и протянул трубу Николаю.

Драгуны уже отступили к опушке леса, турки были на небольшом расстоянии от них, они все еще перестреливались, не сближаясь. На месте стычки виднелись темные точки - убитые лошади. Пандуры тоже поднялись на гору. Все были целы, только на одной лошади сейчас ехали двое седоков: конь одного убит. Через час отряд въехал в стан гайдуков, скрытый в лесу. Волчан Войвода вышел навстречу. Этот местный Стенька Разин, как охарактеризовал его Липранди, оказался высоким мужчиной с длинными седыми волосами и усами такого же цвета. Он широко улыбался:

- О! Полковник! А я знал, что ты сегодня приедешь, ждал. Мы для гостей барана зарезали! Давайте ужинать!

Неделю назад в Правидах, предложив Целищеву разыграть партию шахмат, полковник Липранди как бы невзначай поинтересовался:

- Подпоручик, говорят, Вы были циркачом? Это правда?

- О да, каюсь! Но мне казалось, об этом никто не знает.

Николаю было всего 14 лет, когда он сбежал из московского училища, из-под опеки строгих тетюшек, влюбившись в циркачку, и путешествовал с итальянской труппой более года. Дворянская родня прилагала немалые усилия, чтобы слухи об этом приключении их шустрого отпрыска не распространялись широко.

- В чем каяться? Мне импонирует Ваша решительность... И еще я восхищен Вашей способностью к языкам, - нахваливал Липранди. - Французский и немецкий знают многие, но Вы же, кроме них, хорошо владеете греческим и вполне сносно - турецким. И с Вашими способностями - быть просто драгуном? Неужель не скучно?

Липранди улыбался одобрительно, многообещающе, как, наверное, демон в раю улыбался Еве, уговаривая ее отвесть запретный плод. У полковника, как и у демона, тоже было соблазнительное предложение:

- А не желали б Вы перейти ко мне в отряд?

Николай чуть не подпрыгнул от радости. Да это ж мечта всех молодых офицеров! Полковником восхищаются все, а партизаны-пандуры, коими он командует, просто боготворят. Говорят, даже турки произносят его имя с величайшим почтением. Липранди - именно тот человек, который создал здесь партизанские отряды, он же всю зиму разъезжал по Турции почти без охраны из одного села в другое, общался с болгарами, греками, валахами, с турками, подбирая людей, кои потом приносили ему сведения о неприятеле, о жизни в турецких городах, то есть, создал агентурную сеть. Конечно же, Николай согласился. Теперь все товарищи будут ему завидовать!

Глава 2

А еще через день Николай в одежде болгарского крестьянина в роли погонщика навьюченного мула шел в Шумлу. Может, другой бы и сказал, что быть шпионом недостойно офицера, только не он. В 14 лет он выступал на арене цирка, сейчас предстояло сыграть другую роль, и эта роль казалась ему захватывающе интересной. Одежду позаимствовали у болгар. Только на всякий случай с внутренней стороны жилета, куртки, штанов пришили многочисленные карманы; в них сейчас спрятаны два пистолета и кинжалы, с ними подпоручик чувствует себя уверенней.

Волчан Войвода поручил верным ему крестьянам помочь Целищеву, он же дал в сопровождение семнадцатилетнего Радко. Прошлым летом, когда Шумла переполнилась войсками, родители паренька переехали в село, в городе из семьи остался лишь дед Яким - следить, чтобы воины султана дом по камушкам не разнесли. А юноша то с отцом-матерью, то деда навещает. И часто заворачивает к Скоке, «логову» Волчана. Родители считают, что парень у деда, дед думает, что - у родителей, а тот в это время в гайдуцком стане крутится. Это все чистосердечный юноша выложил Николаю сразу же и пожаловался: мол, как обидно, что теперь Волчан не грабит турецкие обозы, Радко бы с превеликим удовольствием поучаствовал в набегах. Имя неунывающему пареньку очень подходит. Сейчас распутица, снег наполовину растаял, брести по нему - чистое мучение. А юноше все нипочем, он оживлен, весел.

- Я стрелять умею и саблей рубить. Дядя Волчан научил, - похвалился он.
 - Хорошо. Только говори потише, как бы турки не услышали.
 - Разве это громко? - изумился тот. - И знаешь, люди говорят, Войвода столько золота накопил, что даже русскому царю может отсыпать.

Услыхав столь нахальное заявление, Николай едва сдержал смех, но спорить не стал. Он старается поменьше болтать, чтобы себя не выдать. Радко верит, что ему поручено сопровождать болгарина-гайдука или валаха-пандура. Ни к чему его разубеждать.

Липранди говорил, что Волчан при первой встрече допытывался, возьмет ли император Николай Павлович Болгарию под свою руку, если одержит победу. Вызнав, что при любом исходе войны русская армия уйдет с Балкан, воевать отказался. Сказал, отдохнет пока. Потом, когда русские уйдут, снова за свое дело примется: кому-то ж надо будет христиан защищать, страх на магометан наводить. Партизаны-пандуры порой отдыхают у него, Войвода дает советы Липранди, вместе ракию пьют, и этого достаточно. Да, есть среди местных мужчин горячие головы, что воевать готовы. Но государь Николай Павлович дал строгое предписание не привлекать болгар к военным действиям, а то, не дай Бог, захотят восстание поднять. В одиночку болгары не справятся, а император помочь не сможет: его в этом случае не поддержит ни одно европейское правительство, могут и новый поход на Москву организовать. Валахи восстали, так магометане топили их селенья в крови, убивали без разбора тысячами. Греки сейчас воюют, так турки в отместку вырезают не только мужчин, но и женщин, и стариков, и младенцев - десятками тысяч. Государь Николай Павлович не хочет, чтоб такая же кара обрушилась на еще один христианский народ.

Турецкие воины едут впереди и сзади небольшого каравана, покрикивают, торопят. В Шумле сейчас большое войско стоит, кое нужно кормить и одевать-обувать, а конникам нужны седла, сбруя. Вот и разсланы по селам отряды турецкие для сбора всего необходимого. Крестьяне-болгары везут то, что сами произвели: кожи, муку, продукты.

Дорога петляла по заросшей лесом горе, поднималась, спускалась, снова поднималась. О приближении к заставе возвестил лай собак. За поворотом показались каменные строения и меж них - высокие ворота. Воины, сопровождавшие обоз, заторопили: «Вперед, вперед!». Целищев, копируя походку спутников, сторбился, втянул голову в плечи и исподлобья, опасливо, но с большим любопытством озирался на стражу, на строения. За каменным домом - навес для лошадей. Лохматые собаки, рычащие одна на другую из-за костей; псинки поменьше довольствуются тем, что лижут снег грязно-красного цвета: кого-то здесь не столь давно зарезали.

Миновав заставу, стали спускаться с горы. Радко сверху оглядывал город с нескрываемым восторгом и призывал спутника разделить его:

- Красиво, правда?!

А город поистине выглядел живописно. Указывая вокруг, паренек сообщал, что и как называется. Название горы Кьошковит позабавило: «кошкин вид» - перевел для себя Николай. Горы, окружавшие Шумлу, и впрямь показались похожими на огромную спящую кошку, в подбрюшье которой, в ложбине, окруженной с трех сторон горами, расположился город. Среди запорошенных снегом черепичных крыш видно несколько более-менее прямых темных линий - улиц. И над крышами - минареты, минареты, минареты, самый высокий - над серым куполом мечети, Тошбул джамии. Вдали, на востоке, перед выходом на равнину, строения окаймляла высокая каменная стена серо-бурого цвета: кре-

постная стена, перед которой все лето 1828 года стояла русская армия, но не штурмовала.

Шумла встретила шумом. Спускались вниз, погружаясь в городскую какофонию: цоканье подков по камням мостовых, стук и скрип колес, пронзительные и глухие выкрики людей: все кричат, горланят, стараясь переорать друг друга. И чем дальше, тем все более оглушительным был людской гомон, все больше и больше вооруженных до зубов пеших и конных воинов толпилось вокруг; они неторопливо, с надменным видом отходили или отъезжали в сторону, уступая дорогу повозкам.

Радко и Николай пришли на грязную улочку, уходящую вниз, которую, наверное, следовало бы звать улицей мастеров: ремесленные мастерские и лавки располагались здесь одна за другой. Тюки с кожами занесли к седельщику, и начальник отряда визгливо, до рези в ушах, проорал ремесленнику:

- Кожи я привез! Чтоб для моего полка седла через неделю были готовы!

Глава 3

На следующий день Радко знакомил товарища с городом. У ремесленников набрали мелкой всячины и пошли торговать на разнос. Начали с кварталов, где жили болгары, затем - греки. Стучались во все дома:

- Уважаемые, мы принесли красивые вещи, нужные! Посмотрите, купите!

Одни отсылали прочь, другие открывали ворота, перебирали, что-то покупали. Николай не торговался, отдавал задешево: для него важнее было поговорить. Одна, вторая случайно оброненная фраза, и в его голове понемногу создавалась картина жизни в городе. Полковник Липранди поручил найти нужного человека, и вот в беседе с одним горожанином прозвучало имя: Тагир-ага, переселившийся в Шумлу нынешней зимой. Оставалось выяснить, тот ли?

Открытием для русского подпоручика оказалось, что в турецком городе есть православная церковь. Без креста над крышей, но все ж - настоящая каменная церковь, христиане свободно молятся здесь. Возле нее ждал еще один сюрприз - из дверей вышли трое мужчин в европейских одеждах. И они говорили по-французски! Николаю от неожиданности не удалось скрыть изумления, он уставился на них, и те обдали его презрительными взглядами:

- Что за дурацкая рожа! - прозвучало в его адрес.

Словно помоями облили. Приняли за дурака, ну и пусть! Чтобы сии господа не заподозрили, что он понимает их речь, переодетый в болгарскую одежду подпоручик Целищев скорчил еще более глупую мину и следовал за ними до ограды, где стояли их кони. Господин в серо-синем костюме, напоминающем военный, брезгливо поморщившись, произнес:

- Не понимаю, зачем Вы, месье Огюст, просили благословление у этого священника? Вы же - католик, а поп еретик, почти язычник! Как и все аборигены.

- Цель оправдывает средства, как говорил великий Лойола, - снисходительно оправдывался другой. - Я хочу, чтобы аборигены доверяли мне.

А сам, захватив с каменного столбика пригоршню снега, старательно протирал им руки.

- Достаточно и того, что мы снизошли до посещения этого капища - так именуемого храма. Хотя... И в нашей империи полно таких же варваров.

- Однако наши не тарашатся столь нагло и тупо, как этот, - кивнув на Николая, проворчал третий.

Европейцы неспеша поехали вниз по улице, рассуждая об обеде. Радко уже выяснил, что это был австрийский консул с товарищами. Зайдя в церковь, мнимые спекулянты увидели батюшку, который горделиво делился с мирянами:

- Тоже христиане, чтят Господа... Тот, что просил меня благословить, француз, раб Божий...

О! Видел бы священник, как брезгливо тот раб Божий руки протирал после общения с ним! Николаю было над чем подумать... Липранди предупредил, что в Шумле постоянно живет австрийский консул, и что некий человек из прислуги передает русским сведения о нем, хотя - крайне и крайне скудные. О французе не сказал ни слова. Французская армия стоит сейчас в Морее, на юге Греции, помогая греческим повстанцам. Что же делает месье Огюст, (если он француз?), в городе, переполненном турецкими войсками?

Через час разносчики товара гуляли возле дома, где поселился француз. Каменный забор был высок, но ворота распахнулись, из них торопливо вышел человек, скрючившийся в три погибели. Моментом воспользовался Николай, он подскочил к воротам со словами:

- Уважаемый,пусти! У меня для господина товар есть - иностранцы любят наши изделия.

Привратник, зевнув, оглянулся и спросил, можно ль впускать торговцев, из глубины двора прозвучало: «Гони прочь этих нахалов!», и дверь захлопнулась. Радко уныло проворчал:

- И здесь гонят... И для чего мы ходим? - однако он кое-что успел заметить. - Видел человека, что двор подметает? Это Васил, наш сосед...

- Сосед? Вечером сходим к нему, - решил Николай.

- А какой толк?

Да, много ли мог знать болгарин, нанятый в качестве самой низкой прислуги: воды иль дров принести да двор подмести? Николай посоветовал юноше, чтобы тот вместе с соседом наутро отправился под предлогом поиска работы к турку, у которого квартировал француз. Работать Радко не желал, да и ни к чему, но покрутиться денек, попытаться хоть что-то выведать, согласился. Он уже разочаровался в походах по улицам города с сумой, набитой товаром, стал брзжать:

- Зачем везде ходить? Мы ж ничего не вывели.

Он рвался совершать подвиги другого рода, Целищев приободрил его:

- Зато дед тебя похвалит! Ты деньги заработал, ему отдашь...

Глава 4

Для Николая в этом городе все было в диковинку, все любопытно. И на следующее утро он снова отправился торговать. И вот дом, который, возможно, является целью его визита в Шумлу. Постучался, прокричал:

- Хозяева, у меня для вас товар хороший есть. Посмотрите!

Дубовые ворота распахнулись, и Целищев сразу словно наткнулся на недовольный взгляд карих глаз из-под косматых черных бровей. Широкий в плечах усатый мужчина лет тридцати одного роста с Николаем оглядывал его надменно:

- Что принес?

- Много разного товара! Есть и для мужчин, и для женщин, и для дома.

Такому статному мужчине нужен ремень, а для ремня - пряжка. У меня на любой вкус есть!

Достал из объемной кожаной сумы пряжку и вместе с ней рукоять ятагана с двумя ушками янтарного цвета, протянул на показ обе вещицы. Мужчина с нескрываемой тревогой уставился на рукоять, испытующе, недоверчиво оглядел «торговца».

- Гляди, господин, какая красивая пряжка, - громко нахваливал Николай, - эта из меди, а если желаешь, дам серебряную...

- Красивая пряжка... - задумчиво промолвил тот и кивнул, приглашая войти.

Захлопнув ворота, он указал гостю на лестницу, ведущую со двора прямо на второй этаж дома: на чардак, как именуют такое помещение болгары, а русские сказали бы - на веранду, похожую на комнату, только открытую с одной стороны. Похоже, хозяин любил отдыхать, устроившись на подушках, здесь, на застланном пушистым ковром возвышении, наблюдая через перила за челядью, суетящейся во дворе. Николай стал выкладывать на ковер пряжки, брошки, замки маленькие и большие... А хозяин нетерпеливо показал на эфес без клинка:

- А это... что? Продаешь?

- Нет, хозяин, не продаю, - он многозначительно улыбнулся смуглому мужчине. - Это мне один человек дал... Знакомая вещь?

- Хмм... - тот не ответил, глянул с подозрением. - Откуда ты? Не местный?

- Не местный... А эту серебряную пряжку не желаешь?

- Что ты о ерунде болтаешь?! - сердито оборвал хозяин. - Говори, от кого эфес получил?

- Ммм... Один человек дал... полковник, - Николай говорил медленно, наблюдая за реакцией собеседника. - Он поручил передать некому Тагиру, бывшему янычару, несколько слов...

- Я - Тагир. А ты кто? Русский?! Что полковник велел передать мне? - требовательно вопрошал хозяин.

Стало быть, тот самый. Далее играть роль спекулянта не было смысла.

- А я - Николай.

- Николай? Как ваш император?! - мужчина впился глазами в лицо посланника. - И каков ответ?

Тагир-ага встречался с полковником Липранди в конце прошлого лета. От имени янычар, уцелевших после того, как султан Махмуд II разгромил их войско, он передал просьбу императору Николаю Павловичу принять их в свое подданство. Они, мол, готовы помогать русским в войне с султаном: не всех янычар вырезали, полк еще могут набрать. А после хотели бы поселиться в Крыму или Казани, где укажет император. Полковник Липранди, отправляя в Петербург письмо с этим предложением, приложил личную записку, в коей подробно рассматривал выгоды и опасности такого войска. Янычары - умелые и до безрассудности храбрые воины, однако послушностью не отличались. Верховная власть в Османской империи не раз висела на волоске из-за их бунтов, бывало; что янычары, обязанные охранять властелина Высокой Порты, смещали и даже убивали неугодного им султана и возносили на трон кого-то другого из рода османов, более уступчивого. И Махмуд стал султаном лишь после того, как янычары убили султана Селима. Потому Липранди писал императору, что, по его личному мнению, опасно приглашать янычар и тем более селить их компактно, - в России и своих смутьянов хватает.

Ответ из Петербурга пришел нескоро. Канцлер барон Нессельроде со-

общил, что государь император не нуждается в войске янычар. Однако, если кто-то пожелает единолично принять российское подданство, тому следует оказывать помощь. Но не всем. Нессельроде писал, что нужно разговаривать с разжалованными янычарами по отдельности, дабы понять, кому можно что-то обещать, а кому - категорически нет. Также порекомендовал полковнику Липранди вербовать их: если они - противники султана, пусть послужат русскому императору, будучи в Турции. Об этом и должен был поговорить с Тагир-агой подпоручик Целищев, причем, каким бы ни был результат беседы, ее следовало сохранить в строжайшей тайне. Посылая его в Шумлу, Липранди предупредил, что нельзя быть уверенным даже в том, что Тагир-ага не выдаст, следовало вести себя предельно осторожным. Риск был велик, но оправдан. У Липранди уже были агенты в Шумле, но - торговцы или крестьяне, не разбирающиеся в военном деле, а офицер янычар - совсем другое дело.

- Николай! Какой ответ ты мне принес? - нетерпеливо переспросил хозяин.

- Полковнику ты говорил, что живешь в Сливно, а я нашел тебя в Шумле... Может, ответ тебе стал не нужен?

- Нужен! - воскликнул Тагир и стал возбужденно объяснять. - А переехал... Этот дом принадлежит моей жене Эмине, а в Сливно я жил у чужих. Пока сераскиром был Гуссейн... он - убийца, я не мог в Шумле находиться! Гуссейн был нашим начальником, мы верили ему, а он - предал нас, приказал убивать янычар... Как я мог жить с ним в одном городе?!

Хлопнула дверь, женский воркующий голос по-турецки певуче спросил:

- У моего господина гость? Господин прикажет подать что-нибудь?

К ним приблизилась женщина в развевающемся красно-золотом одеянии с красным же шарфом на голове, концом которого она закрывала лицо так, что видны были лишь темные глаза, окаймленные черточками сурьмы по верхним и нижним векам. Она бросила придирчивый взгляд на разложенный на ковре товар и презрительным тоном, строго спросила по-гречески:

- Ты принимаешь оборванца?!

Николай склонил голову (это была первая женщина, увиденная им в Шумле!). А она не удостоила его взглядом и продолжила отчитывать мужа:

- Неужели мой господин ведет речи о высокочтимом трехбунчужном паше Гуссейне с каким-то мелким торговцем?!

- Женщина! А с кем мне еще здесь разговаривать, кроме слуг? - огрызнулся господин.

- Госпожа, позвольте объяснить, - вмешался Николай, он лихорадочно соображал, что бы такое придумать, чтобы оправдать свой визит. - Мой старший брат, как и уважаемый Тагир-ага, был янычаром. Я не знаю, жив ли он... Потому и расспрашиваю...

Женщина, наконец, глянула на гостя презрительно, жалостливо, как на прокаженного, спросила:

- Ты христианин?

Она опустила свою унизанную блестящими перстнями руку, открыв лицо - красивое, но немолодое: похоже, Эмине старше супруга лет на пять, а то и все пятнадцать.

- Как звали твоего брата, сколько ему лет?

- Звали Димитром, потом, кажется... Мурадом, - Целищев сочинял на ходу и, измышляя, как всегда, увлекся, врал правдоподобно. - Я никогда не видел его, брата забрали, когда я еще не родился... Мать тосковала по Димитру и говорила, что я очень похож на него...

- Похож? - Эмине усмехнулась высокомерно. - А ты - красив... Так тебе нечего беспокоиться о брате. Если он так же красив, как ты, из него сделали бачу, телака... А их не убивали.

Что это значит, Николай не знал. По победно-презрительному выражению лица говорящей догадался, что подразумевается нечто постыдное. Он растерянно перевел взгляд на хозяина: тот, кажется, сердился.

- Сейчас твой брат женский наряд носит, - добавила Эмине.

И Тагир-ага рассвирепел, стукнув кулаком по своему колену, рывкнул:

- Замолчи, женщина, иль я вырву твой змеиный язык! - потом тяжело вздохнул и, насупившись, сказал. - Из меня тоже сначала хотели бачу сделать... Учили петь, танцевать... Мне повезло: я рос быстро, кулаки стали крепкими, я лупил всех подряд... И меня перевели к янычарам, сказали, что мне лучше стать воином.

Эмине ахнула и испуганно зажала рукой рот. Чего она испугалась: грозного окрика иль того, что ее красивый муж мог бы сейчас ходить в женской одежде? А тот приказал:

- Подай обед мне и гостю! Не сюда, в комнату... Холодно здесь.

Когда она ушла, Тагир-ага, мрачный, как грозовая туча, спросил:

- Так твой брат - янычар? Я думал, ты русский.

- Твоей жене я рассказал историю, что слышал от болгарина в Праводах, - признался ему Николай. - А у меня самого нет старшего брата.

- Соврал?! - в глазах янычара сверкнуло веселое удивление. - Хитрый! Так ты - торгош? Иль драгоман?

- Не драгоман, а драгун. Офицер.

Может, Николай и зря сделал это признание, но ему не захотелось обманывать Тагира; что-то в этом мужчине было такое, что располагало к откровенности, притягивало. Сильный, красивый, но угрюмый, надломленный... И янычар оживился. Возможно, ему польстило, что гость - не абы кто, а офицер, глянул на Николая, как на равного.

- Драгун? Кавалерист?! - одобрительно поцокал языком, но на всякий случай уточнил. - А сейчас не врешь?

- Зачем врать? Ты догадался, откуда я, если захочешь, можешь сдать меня туркам, - с дерзкой улыбкой глянул Николай в темные глаза хозяина. - Для них, думаю, все равно, кто я - офицер драгунского полка или рядовой жандармерии...

- Оставь эти мысли. Ты - мой гость! Пойдем обедать!

Просторная комната, куда они вошли, была вся застелена и завешана коврами. Возле двери ждала Эмине с покорно-оскорбленным видом, а на низеньком столике в центре комнаты стояли блюда с золотистым пловом и сырными лепешками. Тагир потребовал:

- Принеси еще мяса, перца, молока... И дай поговорить, не смей подслушивать!

Наверное, Тагир-ага чувствовал себя одиноко в этом городе и был рад заполучить собеседника. Николай узнал, что ему - 32 года, Эмине старше на 7 лет. Она была служанкой у весильной валиде - какой-то близкой родственницы султана, давно заглядывалась на красивого офицера, а когда узнала, что солдаты низама посланы уничтожить янычар, упростила свою госпожу спасти его. Перед свадьбой потребовала от Тагира клятву, что второй жены он брать не будет.

- У меня отняли все. Я родился сербом, а кто сейчас?.. В шесть лет увезли из дома. Если вернусь на родину, родные братья зарежут... И будут правы! - зло

стукнул кулаком по столе Тагир-ага, так что блюда подпрыгнули. - Мне нравилось быть воином, гордился тем, что я - янычар, что у меня - лучшее оружие, что защищаю султана... Но и это отняли! Если б Эмине не спасла, отняли бы и жизнь...

Николай и сам не заметил, как проникся сочувствием к этому бывшему сербу, бывшему янычару, наверное, без жалости срубавшему голову, а сейчас - почти что собственности умной, хитрой, однако до безумия влюбленной в него супруги, что готова выполнять все его прихоти и все же упрямо исподтишка гнет свою линию... Посланник Липранди еле сдерживался, чтобы не разоткровенничаться в ответ на признания Тагира. Сообщил, что российский государь не считает полезным привлекать янычар на свою сторону во время войны, но обещал подумать над этим вопросом по ее окончании.

- Почему сейчас не хочет нас брать?! - вскричал Тагир с обидой.

- Я передаю то, что приказано, а что государь думал - не могу знать... Какое он примет решение после, мне также неизвестно.

Хорошо, что пол в доме немного поскрипывал, и мужчины слышали, когда к двери комнаты кто-то подходил, поднося то новое угощение, то чубуки.

- Ты пришел, чтоб передать только этот ответ?

- Не только. Мне рекомендовали предложить тебе сотрудничество. Если согласишься посылать известному тебе полковнику сведения о том, что происходит в Шумле, будешь получать хорошую плату.

- Что я могу сообщать? - горько усмехнулся бывший янычар. - Я поклялся себе, что служить султану больше не буду, а знакомых у меня здесь нет.

- Знакомых можешь завести, а служить?.. Поди к австрийскому консулу в охранники. Нам важно знать о нем. А еще более любопытно, что здесь делает француз Огюст, с которым консул Австрии почти что под ручку ходит.

- Француз в Шумле? Я и не знал...

- Он, наверно, не откажется от такого охранника, как ты?

- Надо, чтобы я зарезал его?

- Зачем же? Охраняй! Только обо всем, что он делает, нам сообщай! При дворе султана бывали иностранцы, языки их знаешь?

- Ха! Видал франков, понимаю немного... Надо обдумать... - медленно произнес Тагир-ага, пожевал, признался. - Правда, я устал от безделья. Валяюсь целыми днями, на спине уже синяки... Но подумать надо... Сегодня не смогу дать ответ...

Тагир расспрашивал, чем Россия отличается от Турции, какие в ней порядки. Он слышал, что в русской армии есть и мусульманские полки, интересовался, приняли бы его в такой полк, а если б приняли, в каком чине? Узнав, что часть Николая с осени стоит в Праводах, упрекнул, мол, как это русские опозорились, отдав город новому визирю.

- Когда отдали? - опешил Целищев. - С лета, как наши части вошли в город, мы не оставляли Праводы...

Оказывается, жителям Турции было объявлено, что осенью визирь выгнал русских из Правод, а потом ушел сам, по своей воле, потому что тот город ему не нужен. И, мол, только после этого русские вернулись обратно. Подпоручику Целищеву пришлось переубеждать янычара, подробно обрисовывая, как турки подходили к Праводам в ноябре, как несколько дней наблюдали за русским гарнизоном с горы, но даже не пытались штурмовать, потому что погода в те дни была отвратительной: то метель, то хлесткий град и снег с дождем. Рассказал и о том, как турки уходили, и отряд, вышедший из Правод, еще смог отбить немалую часть их обоза. Тагир поверил не сразу, уточнял одно, другое,

третье, расспрашивал и расспрашивал... Исчерпав все вопросы, задумался надолго, с мрачным удивлением покачивая головой, потом озвучил свой вывод:

- Вот к чему привел разгром янычар: у султана остались одни трусы и лгуны. Янычары бы взяли город и не отдали бы! ...Наверно, в войске визиря найдутся мои знакомые, хочу от них все услышать.

Когда Николай собрался уходить, хозяин признался:

- Ты мне понравился. Приходи еще.

- Я рад знакомству с таким мужественным воином, - поклонился ему Целищев. - Если прикажут прийти, буду рад...

Янычар поднял костяной эфес, вздохнул печально, сделал несколько рубящих взмахов, как будто б снова держал в руке великолепное оружие, и подал Николаю со словами:

- Это был мой любимый ятаган: удобный, острый. Я сломал его перед женитьбой. Верни эфес полковнику Липранди. Если он пошлет кого-то другого, пусть тот человек, как и ты, покажет его... И передай полковнику, что он мне тоже понравился.

Одно поручение было выполнено. Товар, что набрали у ремесленников, больше был не нужен; Николай занес большую сумку к деду Якиму и отправился по другому адресу.

Глава 5

Радко показывал квартал города, что звался еврейским, как нечто дико-винное, он поражал жителей Шумлы своей архитектурой. А Николай не сразу сообразил, что в нем чудного: наоборот, все самое обычное, и в Петербурге полно двух- и трехэтажных зданий, похожих вот на эти. Удивительным было лишь то, что они стояли почти в центре восточного города, где в зодчестве господствуют другие традиции. В одном из этих домов европейского типа жил уважаемый в городе врач Йосеф Хаим.

Никакого забора перед домом; открыв дверь, Николай с улицы шагнул сразу в просторную прихожую. Ее обстановка была скромной: серый каменный пол, вдоль стен - неширокие ковровые дорожки с узором из красно-коричневых ромбов и квадратов, сплюснутые подушки того же цвета. Люди сидели, поджав ноги, - наверное, ожидали очереди. Несколько дверей, одна вела в кабинет доктора, из нее вышел один посетитель, зашел другой. Целищев присел на подушку у стены.

А сверху доносились странные звуки: как будто кто-то совсем неумелый, но очень настойчивый дергает и дергает струны. Так крикливо-жалобно, бывало, пиликала скрипка отца, когда попадала в руки к цыганятам из табора. И здесь кто-то столь же неумелый?

Николай давно уже не обедал так плотно и вкусно, как сегодня у Тагираги, сейчас почувствовал, что его разморило. Он боролся со сном, но глаза закрывались: сквозь дрему слышал, как люди переговаривались меж собой, проходили мимо, шаркая по каменному полу, как открывались и закрывались двери, впуская ненадолго уличный гомон... Вдруг кто-то по-немецки воскликнул:

- О! У нас тяжелобольной?

Николай открыл глаза: из двери в кабинет доктора в него озабоченно всматривался мужчина лет сорока в небольшой черной шапочке, наверное, сам господин Хаим. Никого другого в прихожей уже не осталось! Николай вскочил и поспешил опротестовать:

- Нет, нет, я не болен! - а, отвечая, сообразил, что допустил немалую оплошность: он и сам заговорил по-немецки! Как же исправиться?

Надо было сначала хоть что-то понять об этом человеке, и потом решать, стоит ли перед ним раскрываться. Доктор изумленно поднял брови, оглядел посетителя с ног до головы, задал вопрос, опять же по-немецки:

- Кто ты?

Немудрено, что Йосеф Хаим удивляется. Целищев одет, как местный крестьянин, а позволил себе изъясняться на языке, которым вряд ли кто из них владеет.

- Я просто странник.

- Странник... - повторил доктор и кивнул, как будто получил исчерпывающий ответ. Наверное, профессия приучила его терпеливо выслушивать разный бред и лишь потом ставить диагноз. А сверху снова донеслись звуки надрываемых струн, и под воздействием их Николай добавил:

- Рапсод.

(Музыка всегда приносила ему удачу, может, и здесь поможет?)

- Ах, рапсод! - брови доктора поднялись еще выше, он пригласил в кабинет.

Здесь вся мебель была европейской; наверное, в кабинете любого русского доктора то же самое: кушетка, китайская ширма перед ней, возле окна - просторное кресло, шкаф, стол с разными медицинскими штучками на нем...

- Так ты - музыкант? - с чуть заметным сарказмом спросил доктор. - Тебя кто-то направил ко мне?

- О да, направили... просили к Вам зайти... Но меня отвлекли звуки... вспомнилось, как я сам учился... В Вашем доме кто-то учится играть на скрипке?

- Младший сын. Я жду приезда учителя, а пока он просто балуется.

- Без учителя? - ужаснулся Целищев. - Но это вредно! Ему будет потом сложнее!

- Учитель приедет и всему обучит, - успокоительно заверил Хаим.

- Но, поверьте: лучше ему сейчас вообще не брать инструмент в руки. Ведь даже с ложкой так: если ребенок не научился держать ее правильно с младенчества, переучивать трудно. А со струнами, со смычком все гораздо сложнее!

- И ты... рапсод, можешь научить? Рекомендательные письма есть?

- Рекомендаций нет... Но хотя б немного помочь ребенку могу. Скрипка - мой любимый инструмент... И скрипка очень сложна. Если Ваш сын тоже ее любит, стало быть, мы - родственные души. Хочется помочь ему...

Николай говорил искренне: ему в самом деле стало жаль незнакомого малыша, и доктор почувствовал это.

- Любопытно... возможно, ты прав... - доктор позвонил, отдал распоряжение, пока Николай оглядывался вокруг, появился темноглазый мальчик лет семи: в его руках была небольшая скрипка, а в глазах - вопрос.

- Покажи! - сказал доктор, передавая скрипку посетителю.

Целищев провел смычком по струнам, присел на стул и не спеша настроил инструмент. Встал, прижал скрипку к щеке. Играл все подряд, попури: с цыганской бесцеремонностью составляя пьесу из знакомых музыкальных фраз разных композиторов, соединения их собственными. Кажется, получалось неплохо. Йосеф Хаим уселся в кресло, он снова был удивлен. Когда подобное выражение лица бывало у доктора из России, за этим обычно следовало одо-

брительное: «Однако! Однако! Не ожидал!» А мальчик, прижавшийся к отцу, выглядел совершенно очарованным, его глаза сияли, на приоткрытых губах была восхищенная улыбка.

Николай вложил скрипку в руки малыша, ставя правильно его пока неумелые пальчики, объясняя, как обхватывать смычок, какой палец какой струной должен управлять. Турецких слов не хватало, говорил по-немецки, доктор переводил. Попутно Хаим рассказал, что в его семье профессия врача - наследственная: дед, отец лечили людей, доктором стал он сам, и его старший сын сейчас проходит курс наук в Пражском университете. А младший заразился любовью к музыке от скрипача, жившего по соседству, это поразительно хороший скрипач. Но началась война, Шумлу наполнили войска султана, жители столкнулись с массой разных неудобств, и скрипач уехал. У воинов-турок своя музыка. И вот скрипку для сына доставили из Австрии, а учителя нет. Пока нет.

Николай показал несколько раз, как сыграть начало фразы: «Ах, мой милый Августин...», попросил малыша повторить самостоятельно. Пару нот ребенок сыграл правильно, больше не сумел. Но у него было огромное желание научиться! И Николай повторял и повторял урок еще и еще раз. Затем почувствовал, что мальчик стал уставать:

- Для первого раза достаточно, - сказал он, и доктор отпустил малыша.

- Я вижу, Вы - неплохой учитель. У Лео кое-что уже получается. Как к Вам обращаться? Вы можете давать уроки, пока не придет учитель из Австрии. Я готов платить! - предложил Хаим.

В начале беседы доктор обращался к Николаю на «ты», сейчас перешел на уважительное «Вы».

- Благодарю за доверие, но, увы, не смогу. Не знаю, на сколько дней я задержусь в Шумле. Причина моего визита к Вам - другая...

- Какая же?!!

- В своих странствиях я встречался с людьми, которых интересует судьба русских пленных в Шумле.

- Русских?! - испуганно переспросил доктор.

- Говорят, Вы заботились об их здоровье...

Йосеф Хаим напрягся, настороженно впился в гостя глазами, пальцы его сжали подлокотник кресла с такой силой, что кожаная обивка закрипела.

- Как я понимаю... - начал он фразу и замер с приоткрытым ртом, не сказав, что же понял.

Николай выложил на стол мешочек, туго набитый монетами.

- Мне поручили поблагодарить Вас за заботу о русских и передать это...

- Что? - доктор поднялся и, сгорбившись, словно бы постарев, подошел к столу.

Николай развязал шнурок и высыпал на стол содержимое. Доктор взял одну монету, другую, повертел в руках, тяжело опустился на стул. Он старался выглядеть спокойным, на лице его была лишь тревожная сосредоточенность, но руки, нервно, судорожно двигавшие по столу монеты туда-сюда, выдавали волнение.

- Вот, значит, что Вы за странник! - хрипло выдавил из себя он. - Деньги нужно передать пленным?

- Поступайте, как сочтете нужным. Главное - сберечь их жизни.

- Да... Да... Главное - жизни... Голландские дукаты... Хорошо, что не импералы... Да что ж Вы стоите? Присаживайтесь, прошу Вас!

- Нам известно, что Вы лечили раненых пленных, и лишь поэтому мы осмелились обратиться к Вам.

Доктора напугали эти слова, он воспринял их, как обвинение, начал оправдываться.

- О! Не преувеличивайте мои заслуги! ...Я ухаживал за ними не по своей инициативе, сам сераскир Гуссейн просил меня! И даже платил!

- Гуссейн?! - поразился Николай, поскольку лишь сегодня слышал, что этого человека именуют убийцей.

- Он приказал заботиться о русских, что попадали в плен, будучи сплошь израненными... Тех, что храбро сражались... он уважает храбрых. Но Гуссейн-паша уехал, и стало труднее навещать их...

- Новый визирь жесток с пленниками?

- Нет, нет! Не жесток! Просто считает, что все в руках аллаха: кому суждено выжить, тот выживет и без врача... Но он не против, чтобы его люди получали деньги... Вот и из этого больше половины придется отдать, чтобы меня пустили к пленным, - указывая на золотые, сказал Хаим и, разделив горку монет, большую часть отодвинул. - Это - туркам! ...Может, и больше. Остальное - на продукты, лекарства...

- У Вас самого не будет неприятностей из-за этого?

- Конечно, они не одобряют... Я всем говорю, что больной или раненый для меня - это человек, что нуждается в помощи. Ничего другого!.. И аллаху нравятся милосердные... Я готов лечить и турка, и русского! Любого!.. Если меня попросят... если позволят...

Доктор говорил так, словно хотел обелить себя, словно забота о раненых, пусть и пленных, - преступление. Наверное, ему не раз приходилось объясняться перед османами.

- Турки не слышали о клятве Гипократа, не верят в науку, однако они суеверны, считают, что аллах наделил меня даром излечивать болезни. И я говорю, что, если не буду лечить всех, аллах отнимет у меня этот дар. Они верят...

- Можно задать еще вопрос? Вы, наверняка, знакомы с австрийским консулом?

- Нет и нет! Не спрашивайте! - запротестовал, поднимая руки, доктор. - Я - подданный султана и не хочу навлекать на себя гнев. ...У меня - большая семья, я не могу подвергать опасности своих детей! Забота о больных - моя обязанность! Я выполняю ее, насколько позволят... За это даже визирь не посмеет меня казнить. Но большего не просите!

- О, понимаю Вас. Но еще один вопрос. Вы знаете Волчана Войводу?

- Этого разбойника? Увы, знаю... Если Вы говорите о нем, верно, Вам известно, что я был у него... Но меня обманом завлекли туда!

- Как?

- Как? Пришел человек, сказал, что в селе заболел важный человек, попросил поехать... А привез в разбойничье гнездо!.. Да, мне пришлось делать операцию тяжелораненому!.. И перевязывать других! - сбивчиво, торопливо объяснял господин Хаим. - Но я не мог отказаться! Не смел! Даже если турки будут обвинять меня, я скажу, что не по своей воле там очутился, что меня обманули! Хотите, чтобы я снова поехал туда? Нет и нет!

- Речь о другом... может, Вы знаете? Человек, что сопровождал Вас, убит в Шумле. Болгары видели его отрубленную голову...

- Что?! - доктор не на шутку испугался, вскочил, Целищев тоже вынужден был встать.

- Думаете, по моей вине?! Но я же не сумасшедший, чтобы доносить туркам на самого себя, рассказывать, что был у разбойников!

- О, нет, господин доктор! Думаю, если б Волчан считал Вас виновным, меня бы не послали к Вам. Мне лишь поручено спросить, не знаете ль Вы, как и почему это произошло?

Доктор отстранился от гостя, оглядел его тревожным взглядом и, кажется, успокоился, кивнул:

- О да, да... Как я не учел? Конечно, Вы - более важная персона, чем тот болгарин... Если б меня подозревали, послали бы не Вас, а кого-то с остро на точенным кинжалом...

- Неужели?!

- Уверен! Однако я больше не видал того посыльного! К счастью... Ничего не знаю о нем! В Шумле часто кого-то убивают, откуда мне знать обо всех? Турки могли его убить просто так, ради забавы: не понравилось, как он смотрит, как говорит... А я - ни при чем! У Вас еще есть вопросы ко мне?

- Нет. Прошу простить за доставленное волнение и попрощаться.

- Прощайте! Я буду молиться, чтобы Вы благополучно вернулись туда, откуда пришли...

Глава 6

Итак, посланник Липранди все поручения выполнил, а посланнику Волчана осталось навестить одного купца-грека. Николай проводил юношу до нужного ему дома, сам зашел в чайхану напротив. Ждать пришлось долго. Ворота несколько раз открывались, но это был не Радко, а слуга, который появился с ведром, выплеснул грязную воду на мостовую, затем вышел с большой метлой... И вот, наконец, Радко. Он поозирался вокруг и, склонив голову, направился в сторону постоянного двора, как и договаривались. Пока Николай выбирался из чайханы, юноша успел удалиться. Выйдя на улицу, Николай увидел, что по другой ее стороне идет тот слуга купца. Вся его фигура олицетворяла боязливость: он горбился, вытягивал голову вперед боком, как будто выглядывал из-за невидимого никому укрытия. Где-то подпоручик уже видел такую пугливую походку. Кажется, это был цыган, здесь цыгане часто бывают чьими-нибудь рабами. Радко завернул за угол, и цыган - за ним. Зачем?! Это настораживало, и Николай не стал догонять своего товарища, шел следом, наблюдая за обоими: болгарин и цыганом.

На площади перед постоянным двором, как всегда, была толча. Лошади, мулы, ослы, повозки всех видов, люди... Радко оглядывался, он, несомненно, искал крестьян, с которыми пришел в Шумлу. Вот увидел знакомого, направился к нему. И цыган - за ним! Он, скрюченный, посмел подойти почти вплотную к повозке, возле которой Радко разговаривал с земляком. Подслушивает? Уж не хочет ли ограбить?

Трое всадников на несколько минут заслонили людей, за которыми наблюдал. Когда они проехали, цыгана уже не было. И Николай подошел к Радко. Тот, увидев его, обрадовался:

- Вот ты где! Знаешь, я остаюсь!

- С какой стати?

- И я говорю: с какой стати? - недовольно проворчал крестьянин. - Как вместе пришли, так и уходить надо вместе.

- Когда вы уходите? - спросил Николай.

Крестьяне, с которыми молодые люди пришли в Шумлу, ждали, пока с ними расплатятся за привезенный товар. Возвращаться домой планировали

вместе: так безопаснее. Деньги получили почти все, еще троим турки обещали выплатить все завтра утром.

- С утра, ну, может, сразу после обеда, и выйдем, - сообщил крестьянин.
- Идите, а я остаюсь, - гордо заявил Радко.
- Ну, он как хочет, а я - с вами, - сказал Николай, - завтра увидимся.

Глава 7

Радко выглядел загадочным, он весь сиял, как будто обладал великой тайной. Но ведь с утра договаривались уходить, и он не спорил. Что же такого он узнал во время визита к греку, от чего изменил свои планы?

- Ладно, скажу, только это - секрет! И не говори деду!

Если секрет от деда, то вряд ли что-то хорошее. Нашли уголок в стороне от толпы, за толстыми липами, и юноша тайно прошептал:

- Я скоро поеду в Грецию, воевать за свободу.
- За свободу Греции? Это тебе тот купец предложил?
- Да! Только никому не говори! А то дед начнет ругать...

Идея мальчишки ему не понравилась. Но Радко, возбужденный, так напоминал Николаю его самого. Однако он сбежал из дома, чтобы покататься с цирком, от этого страдала лишь честь дворянина, а Радко задумал тайком от родни отправиться на войну - это совсем другое.

- Знаешь, я тоже однажды сбежал, - признался подпоручик. - А когда вернулся, деда в живых уже не было. Он переволновался из-за меня, сердце не выдержало. Твой дед тоже будет переживать...

- Ну, у моего деда сердце крепкое. Да я и ненадолго.

- Вряд ли из Греции быстро вернешься...

- Ты, может, и сам хочешь? Давай со мной! Дядя Спиридон сказал, чем больше нас будет, тем лучше.

Поехать с ним! Сколь наивен и порывист Радко! Николай пытался отговаривать, не очень наседая на юношу. А то заупрямится, и пиши пропало, ищи свищи его в той Греции. Заманил мальчишку в кофейню, заказал выпечку. Пока пили кофе, уговаривал, подходить к вопросу о побеге с одной стороны, с другой... Но Радко не воспринимал никакие доводы, уперся: мол, он уже пообещал дяде Спиридону, отказываться нельзя, несолидно. Когда соберется несколько человек, их отправят на Пелопоннес, а там дадут самое лучшее оружие... Видя, что уговаривать упряма бесполезно, Николай напомнил:

- Не пора ль домой? Ты ж обещал деду помочь что-то подремонтировать...

- Хорошо, только зайдем к Василию.

- И его хочешь уговорить? - удрученно покачал головой Целищев.

Он и одного не может переубедить, а если еще и Васил загорится желанием ехать на войну, что делать?

Васила в это время следовало искать в доме, где он служит, то есть там, где живет француз. Вышли на улицу, ведущую к тому дому. А впереди Николай опять увидел того самого цыгана! И вспомнил: этого посыльного, слугу иль раба греческого купца, он встретил, когда они с Радко в первый раз подошли к дому месье, это же тот человек, что выскочил тогда навстречу. Неужель опять идет туда же? Эту загадку хотелось разгадать.

И Николай ускорил шаг, догнал цыгана. Впереди темнел узкий проход между тесно стоящими домами. Схватил цыгана за шкурку, зажав ему рот, потащил туда, в темноту. Спротивляться щуплый человек не мог. Радко ошарашенно хлопал глазами.

- Следи, чтобы никто не заметил! - приказал ему, и болгарин встал, загоразивая подпорука от любопытных взглядов.

- Так, царан, говори, куда идешь?

- Отпусти! - пискнул тот.

Николай вытащил нож и приставил к горлу жертвы.

- Не ори, а то зарежу! - и цыган замолчал, испуганно икая.

- К французу идешь? Доносишь на хозяина?

- Не доношу, хозяин сам послал. Он письмо велел передать.

- Какое? Давай сюда.

- Меня хозяин избьет!

- Не дашь сам, так я тебя убью и письмо найду. Где оно?

Трясущейся рукой цыган достал лист бумаги. А Николай, не отпуская ножа, вытащил из-за пазухи второй нож и протянул Радко:

- Держи! Следи за ним!

Развернул четверо сложенный листок. Начало письма было по-французски, написано безграмотно, но Николай понял. Сообщалось, что пришел вестник от Волчана. Гайдук отказывается посылать людей в Грецию, мол, от него уже многие ушли туда, больше нет кандидатур. Дальше шло по-гречески. Николай хорошо знал разговорный греческий, однако читать на этом языке приходилось мало, и только - печатный текст. А здесь - беглый почерк, к тому ж столь корявый! Попробуй-ка разберись!

Послышался чей-то надменный смех, застучали копыта по камням. Цыган дернулся, Николай зажал ему рот. Мимо как раз проезжали месье Огюст и австриец, они удалялись от дома. Консул Австрии говорил по-французски:

- Поверьте, дорогой друг, если сам паша обещает развлечение, глупо отказываться. Кто-кто, а турки знают толк в наслаждениях, и я уверен, Вы не будете разочарованы...

Значит, адресат отправился развлекаться, письмо в его руки попадет нескоро. Николай разорвал листок, вернул цыгану то, что успел прочесть, а другую часть засунул в свой карман, попутно доставая пистолет. Цыган видел только обхватившие его руки и нож, Николай все время был у него за спиной и сейчас счел нужным показать длинное дуло:

- Видишь это? Беги прочь! И молчи, а то я прострелю твою голову!

Выпустил перепуганного посыльного, тот припустил по дороге, боясь оглянуться назад, а Николай, схватив Радко, потянул его в другую сторону. Выбежали на другую улицу, здесь опомнился: у Радко в руке все еще был кинжал.

- Спрячь! - приказал он. - Дальше идем спокойно.

- Хорошо, - согласился паренек, он готов был прыгать от восхищения. - Здорово ты его напугал, он, наверное, в штаны наложил! ...А зачем это?!

- Дома поговорим.

Глава 8

Дед Яким, наверное, куда-то ушел, дома его не было. Николай потребовал вернуть кинжал, а Радко запросил:

- Пусть он у меня будет! У тебя ж другой есть! Дай посмотреть пистолет, а?

- Пистолет? Я тебе дам подержать, а ты обратно отдавать не захочешь, как нож?

- Отдам, честное слово! Дай посмотреть!

- Ну ладно, поверю на слово.

Пистолет был не заряжен, но на всякий случай Николай переломил дуло и, убедившись, что в нем ничего нет, подал юноше.

- Пули не было?! - поразился Радко и захохотал. - А тот цыган так трясся от страха, так улепетывал! Здорово ты его напугал!

Юноша присел у окна, любуясь пистолетом, покрутил его и так, и этак, прицелился куда-то вдаль, нажал на спусковой крючок, затем посмотрел на Николая снизу вверх жалостливо:

- Подари, а? Мне же пистолет сейчас очень-очень нужен!

- Нет! Никакое оружие тебе не нужно, и ни в какую Грецию тебе ехать нельзя!

- Что ты раскомандовался!? Я дяде Спиридону пообещался и поеду! Все уже решено! - возмутился Радко.

Николай разозлился и выхватил пистолет из его рук. В том, что произошло, было слишком много непонятого. Как бы разобраться?

- А я говорю: никуда тебе ехать нельзя! Тебя обманывают! Вот скажи, что велел передать греку Волчан?

- Это - секрет! Я в твои секреты не лезу!

- Секрет? А я тебе скажу. Спиридон просил направить гайдуков в Грецию, а Волчан ответил, что все, кто хотел воевать, и так уже там. Так?

- Так... Если знаешь, зачем спрашивать?

- А откуда я это знаю, тебе неинтересно?

- Откуда?

- Это я узнал из письма, которое цыган нес. Знаешь, чей это человек? Ты его где видел?

- Не знаю. Стану я еще на всех цыган оглядываться!

- Это - слуга твоего благодетеля, и письмо, что я читал, написал Спиридон. Он почему-то французу отчитывается, какие слова ты от Волчана принес.

И Радко вдруг испуганно охнул, округлив глаза. Николай вздохнул успокоительно: дошло, наконец, до юного балбеса, что вляпался в нехорошую историю. Но нет! Этот балбес глядел мимо него. Николай обернулся: в дверях стоял, также испуганно уставившись на внука, дед Яким.

- Деда, я думал, ты к соседу ушел, - пролепетал Радко.

- О чем у вас тут речь? Кто это в Грецию собрался?! - напустился на него дед.

Яким выглядел так, будто его сейчас хватит удар. Он, сторбившись, схватился за косяк дрожащей рукой. Николай кинулся к нему, помог усесться.

- Дед, не волнуйся, никто никуда не едет! Не волнуйся! Радко не поедет, я тебе обещаю!

Подпоручик Целищев суетился возле старика, спрашивал: «Может, воды дать попить? Я сейчас принесу!», а Радко, угрюмо насупившись, опустив голову, не двигался с места. В голове Николая промелькнула мысль: может, и хорошо, что дед все услышал, вдвоем, глядишь, и удастся переубедить вьюношу, что воевать собрался.

- Рассказывайте!

- Деда, ты слышал? - осипшим голосом спросил Радко. - Я...

Воды, оказывается, нужно подать этому герою. Собирается воевать, а деда испугался так, что голос потерял.

Утаивать от деда Якима было уже нечего. Оказывается, он и не подозревал, что его внук зачастил в гости к Волчану. А тут еще услышал, что внук собрался ехать в неведомые дали, хочет за свободу Греции сражаться! Эти вести почти что ввергли старика в ступор.

- Я-то думал, Николай - человек опасный, боялся, что он собьет тебя с толку... Молчал, чтобы гостя не обидеть, - медленно ворочая языком, признался он. - А выходит: ты сам давно с Волчаном связался. Зачем это тебе, радость моя, зачем? И как это тебе пришла мысль в Грецию идти? Неужели отца с матерью да меня, старого, не жаль?

А Радко плакал, угрюмо склонив голову: его мальчишеская мечта разбилась вдребезги.

- Дед, прошу тебя, помоги разобраться, - попросил Николай. - Мне кажется, главная опасность не в том, что Спиридон уговаривал Радко ехать в Грецию, а в том, что он докладывал обо всем французам. Не передаст ли тот это туркам?

- Туркам? Быть того не может! Спиридон туркам никого не выдаст! - убежденно заявил Яким. - У него самого два сына уехали. Он говорит: в Европу, а люди шепчутся, что воюют сейчас. Он туркам не выдаст никого! ...Только зачем, для чего он внука моего туда отправить надумал?

- А француз? Зачем ваш грек ему обо всем сообщает? Француз его обманул?

- Не может быть! - недоверчиво покачал головой дед. - Спиридон - умный, его не обманешь!

- И все же здесь какая-то ложь! Француз его обвел вокруг пальца.

Дед, еле оправившись от шокирующих новостей, не сразу понял, о чем речь. И Николай подробно рассказал ему, как он в первый раз увидел француза, как тот протирал руки после общения с болгарским попом; как цыган следил за Радко, как Николай завладел письмом... Дед лишь охал, повторяя:

- Как это? Неужели?!

- Да, а ведь я еще не прочел письмо до конца! - вспомнил Целищев.

Стал читать вслух: медленно, по слогам, с трудом разбирая корявые греческие буквы. Дед переводил. Спиридон сообщал французам, что нашел уже двоих добровольцев, (имя Радко Николай не стал зачитывать). И еще один на примете есть. У одного болгарина появился новый работник, которого называет молдаванином, а сам Спиридон уверен, что это - русский солдат, потому что он видал молдаван, среди них не встречал таких светлоглазых. Солдат - это находка, в Греции он большую пользу принесет.

- Русский солдат?! - поразился Целищев. - И его - в Грецию?! Его надо увести в Праводы!

- Как увести? - не понял Яким.

- Сначала - к Волчану, оттуда - к русским.

- Да где ж найти его? - вздохнул дед.

- Если в Грецию меня не отпускаешь, значит, я в Праводы пойду! - вмешался, неожиданно оживившись, Радко.

- Что тебе там делать, вояка? - устало спросил его Николай. - Русские тебе все равно оружие не дадут.

- Откуда ты знаешь?

- Оттуда! Я - из Правод.

- Из Правод! - восхищенно повторил юноша. - Пистолет тебе там дали?

Почему тебе можно, а мне - нельзя?

Что было ответить юноше, Николай не знал.

- Ну, во-первых, я тебя старше, а во-вторых, мой отец сам меня отправил, в-третьих... в-десятих...

- Ну что, что?! - возмутился тот. - Чем я хуже?

- Радко, одумайся! Зачем тебе Праводы? - взмолился дед. - Вспомни об отце с матерью!

Дед долго сидел, сокрушенно покачивая головой, потом поднялся, с тяжелым вздохом сказал:

- Значит, уходите вам обоим надо быстрее. Сидите пока дома. А я схожу...

- Куда, дед?

- Поищу того русского... Если Спиридон о нем проведал, кто-то и другой знает.

- Дед, а как мы его из города выведем? Ведь у него, наверно, никаких документов... А вдруг на заставе придираются будут? - стал прикидывать Николай.

- Да выйти-то можно... Тропинок много... Вон по горе пройти, никто не заметит, потом - на другую гору... Радко везде бывал, найдет дорогу.

Глава 9

Дед ушел, и воцарилось молчание. Николай поглядывал на насупленного юношу, не зная, что сказать. Он и злился на Радко: сколько разумных доводов ему привели, а он все свое твердит! К тому ж такое презрение к цыганам царапало душу: ведь и он наполовину цыган. Хотя и привык к этому, а все-таки досадно, больно. И в то же время было жаль юнца: он так напоминал Николаю его самого! Сколько раз бабушки говорили: «Опять Кольке вожжа под хвост попала, куда-то понесся!». А Радко смущенно отводил глаза в сторону, но все ж первым нарушил молчание:

- Думаешь, француз обманывает дядю Спиридона? Зачем? Он помочь грекам хочет, наверно, нам уехать поможет...

Радко готов был хвататься за соломинку, лишь бы исполнить свою заветную мечту о героических сражениях.

- Не знаю, зачем, но чую: дело нечисто, - уверенно заявил Николай.

- Что нечисто? - не понял болгарин.

- Здесь какой-то обман. А какой - пусть полковник Липранди распутывает.

- Полковник... Говорят, он смелый. Ты ему помогаешь? Попроси, пусть он меня к себе возьмет!

- Ты лучше держись Волчана. Он ведь тоже - храбрец, и к тому ж умный мужик. Что сейчас не воюет, это, пожалуй, и правильно.

- Неправильно! Надо сражаться со своими угнетателями, освобождать народ от османского ига!

- Где ты слов таких набрался? От Спиридона?

- А что плохого? Это же правда! Надо убивать турок!

- Так Волчан и будет сражаться, но потом, когда русские уйдут. Поступай, как он, потом ему нужны будут помощники. ...Слушай, Радко, устал я спорить. Хочу отдохнуть. Так и быть, кинжал, что держишь, дарю тебе. А сейчас дай поспать... И молись, чтобы с дедом твоим ничего не произошло.

Николай прилег на тахту. Теперь правильнее всего было бы заснуть: если не знаешь, что произойдет дальше, нужно набираться сил. Но было тревожно, лежал, вслушиваясь в каждый шорох.

- Ложись, поспи! - посоветовал он товарищу, а тот лишь уныло покачал головой.

За окном сгустились сумерки, а дед Яким не возвращался. Николай заставил себя заснуть, поспал, наверно, часа два. Открыв глаза, в темноте ком-

наты увидел, что Радко так и сидит до сих пор перед окном, покачиваясь в такт своим печальным мыслям.

- Ложись спать! - уже более настойчиво сказал Николай.

Радко повернулся к нему, всхлипывая, признался:

- За деда боюсь... Может, пойдём, поищем его?

- Куда пойдём?

- Не знаю...

- Дед твой в Шумле всю жизнь прожил? Стало быть, знает, кому можно доверять, с кем и как беседовать... Сейчас ты трясешься от страха за него. Вот видишь, что значит переживать за родного. Так и он каждую ночь спать не будет, если ты уедешь. Будут ему мерещиться разные беды-несчастья, что тебя окружают...

- Но... и из-за этого ничего не делать?

- Надо. А сейчас тебе надо отдохнуть!

Поддавшись на уговоры, Радко улегся, но ворочался, резко поднимал голову при любом шуме за окном. Под утро, наконец, сон победил утомленного юношу, он перестал крутиться. А дед вернулся, когда уже рассвело. Николай услышал, как тихонько скрипнула дверь, и вскочил, вышел навстречу. Яким шепотом спросил:

- Спит он? Слава Богу! - и широко перекрестился. - А я боялся, как бы он не сбежал. ...Нашел я того русского, увидишь его. А сейчас и я прилягу... Устал... И ты еще поспи...

Разбудил всех Радко криком:

- Вставай, Николай, вставай, пойдём деда искать!

- Поищи его в той комнате.

- Он пришел? - и юноша кинулся в комнату деда, а тот сам вышел навстречу, усмехаясь:

- Что, потерял меня?

Дед Яким рассказал, что нашел солдата у некоего Стояна. Прошлым летом турки посылали болгар косить траву. В кустах Стоян увидел раненого солдата, погрузил на телегу и, прикрыв травой, привез в город. Выходил его сам. Парень знает молдавский язык, потому и стали говорить, что наняли в работники молдаванина.

- Со Стояном мы договорились за дровами съездить. Хорошо, что он с этой же стороны Шумлы живет... В лесок на гору Звездную поедём, там и встретимся, - сообщил Яким.

Уход из города должен был получиться будничным, без приключений.

- Когда выходить?

- Пообедаем и пойдём. Мы договорились: кто первый придет, в пещере ждать будет. Там на горе пещеры есть, в них монахи раньше жили.

- Дед, меня же крестьяне ждать будут. Я сбегая до постоянного двора, скажу им, - решил Николай.

Глава 10

Николай торопился. Почти бегом добежал до улицы, идущей вдоль Пороины. В городе было тихо. Обычно шумные ватаги вооруженных до зубов воинов, красующихся друг перед другом, высыпают на улицы лишь после обеда. Утром на улице мало турок - не их время. А сейчас город только просыпался. Торговые лавочки и кофейни распахивали ворота и окна, на прилавки выкла-

дывалась свежая выпечка, сыр, ставились бутылки с молоком. А лепешки пахли так заманчиво! Пожевать бы! Николай притормозил у лавочки, в которой продавали хлеб прямо из окна, протянул мелочь. Но откуда-то взялись двое турок, первый оттолкнул его, приказал торговцу: «Сначала нас обслужи!». Другой кинул высокомерный взгляд, ухмыляясь нагло. Но вдруг замер, уставившись на Николая. И подпоручику лицо турка показалось очень знакомым, похоже, с этим воином его уже сводила судьба. В бою или где? Оторопело указывая на Николая, турок заорал: «Эй, Ахмед! Это же - ру... А-а-а!». Не закончив фразы, упал. Николай опередил его. Догадавшись, что этот воин опознал его, Николай привычным жестом достал кинжал, рванулся вперед и вонзил его турку в живот снизу вверх: наверное, клинок достал до самого сердца. А правой рукой выхватил ятаган из ножен падающего наземь противника. Отскочил назад, чтобы убитый не упал на него. Второй турок был слишком надменным, горделивым, чтобы достаточно быстро оборачиваться. Пока он с ошарашенно-возмущенным видом протягивал руку к оружию, Николай ударил его ятаганом с размаха по шее. Попутно заметил в распахнутом окне ужас на лице продавца хлеба, застывшего с открытым ртом. И с окровавленным клинком в руках побежал обратно, свернул в первый попавшийся переулок. И только теперь раздалось пронзительные крики: «Убили! Убили!». Выбор улочки для спасения оказался слишком неудачен. Не повезло! Впереди стояли вооруженные люди и оседланные лошади. Но отступить было поздно, они уже услышали крики, переглядывались тревожно. Кинулся к ним, оттолкнул одного, а в другого, что уже приготовился сесть в седло, воткнул ятаган. Выгаскивать клинок не было времени. Оставив оружие, влетел в седло и поскакал вверх по улице. Сзади загрели выстрелы. Оглянулся: его с криками преследовали четверо всадников. Повернул коня влево, чтобы по узкой тропке выехать на другую улицу, но тропа закончилась тупиком: ее перегородила каменная кладка. И Николай из седла перескочил на забор, побежал по нему. Ему ль, пять лет назад ходившему по канату в цирке, не сумеет быстро пройти по неровному забору? Как хорошо, что болгарские сапоги мягкие: в драгунских с их негнувшейся подошвой он бы уже свалился. Во дворе какой-то мужчина стучал молотком, увидев бегущего по забору, он завопил сначала: «Воры!», потом: «Марьям, к кому мужчина приходил? Где дочь?»

А ловкий подпоручик уже прыгнул с каменной ограды на другой улице. Прохожих было немного, но они оглядывались на крики. Вздохнул глубоко, постарался придать себе невозмутимый вид, прошел немного вперед, спокойным шагом пересек улочку и меж домов перебежал на следующую. Погоня отстала, но крики и выстрелы были еще слышны. Куда же дальше? В дом к деду Якиму? Нельзя!

Навстречу шел болгарин с тачкой, вот он подошел к воротам, открыл. Николай кинулся к нему и забежал в ворота первым. Тот опешил, и беглец, не давая опомниться, сразу же попросил:

- Брат, помоги из города выбраться, Христа ради, - поклонившись ему, заметил, что куртка в крови, и добавил. - Я турка убил.

- Как?! - спросил ошарашенный мужчина.

- В тачке! Засыпь чем-нибудь и вывези за город.

Болгарин оглядел незваного гостя тревожно, недоверчиво, покачал головой. Николаю показалось, что он отказывается, зря к нему обратился. Но тот сказал:

- Иди сюда.

Поставил тачку возле дверцы в сарайку - стояло животных.

- Залезай!

Тачка была глубокой, но никак не предназначена для людей: Николаю пришлось и скрючиться, и сжаться, чтобы поместиться. Мужчина накинул на него тряпку, потом стал заваливать чем-то более весомым. По запаху понял - куриным пометом!

Женский голос позвал:

- Тодор, кушать будешь?

- Потом, я еще раз схожу! - ответил мужской.

И тачка двинулась. Стукнули ворота, значит, вышли на улицу. Наверно, мужчине было нелегко толкать этот воз, тачка стучала по камням, подрагивала. Вдруг остановилась, рядом раздался визгливый крик:

- Эй! Кто видел беглеца, убийцу? Кто здесь пробегал?.. Все вы лгуны! Кто будет укрывать убийцу, тот будет казнен! И его семью казним!

- Какого убийцу? Никто не бегал! - ответил кто-то.

И снова - тряска, она продолжалась долго. Николай понял, что его везут вверх по улице, на гору. Потом - остановка, кувырок, и Николай выкатился на гору навоза. Это болгарин перевернул тачку на бок.

- Это мой огород, я сюда навоз вожу, - сказал мужчина.

Город был недалеко, но внизу. Здесь на проталины меж снега уже насыпано несколько кучек навоза.

- Спаси тебя Бог! - Николай встал и поклонился. - Где на этой горе пещеры? Как пройти?

Мужчина указал в сторону леса.

- В лесу снега больше, тропу не видно, ты на деревья смотри, найдешь.

Николай порылся в кармане, все деньги, что оставались, высыпал в ладонь болгарину, тот удивленно посмотрел на них.

- Зачем?!

- Спасибо. Я б тебе и больше дал, да с собой нет.

А в их сторону двигалась повозка, в нее был впряжен ослик, рядом с ней неторопливо шли двое мужчин. Кажется, болгары. Они попали на гору, наверное, из другой улицы.

- Здоровы будете! - поздоровался старший. - Здравствуй, Тодор.

- Здравствуй, Стоян, - ответил Тодор. - Куда собрался?

- За дровами. Топить печь нечем.

А рядом со Стояном, болгаринем лет сорока, был коренастый светлоглазый парень. Ошибки быть не могло. Это они! Те, с кем договорились о встрече!

Спаситель Николая, вроде, не прочь был поговорить со знакомым, но Стоян не остановился, и он поднял тачку и пошел обратно в город. Николай догнал мужчин, окликнул.

- Стоян! Это с тобой дед Яким встречался?

Тот оглянулся, спросил настороженно:

- А ты кто?

- Я Николай. А это - Иван?

Мужчины переглянулись.

- Так. А Радко где?

- Я сюда один прибежал, то есть, меня Тодор привез...

- Случилось что?

- Меня турок один опознал, пришлось убегать. Радко не знает, что я здесь. Надо бы его предупредить. Прошу тебя, зайди к Якиму, скажи, чтоб Радко сюда шел.

- Убегал? - медленно повторил Стоян. - Так мы ж за дровами приехали...

Нашли сухостойную ветлу, торопливо срубили, распилили. Иван ловко орудовал и топором, и пилой. Загружать тележку полностью не стали. Стоян понял, что надо спешить, сказал, что одного дерева достаточно. И, вздохнув тяжело, он сказал:

- Прощай, Иван. Храни тебя Бог, сынок.

Иван поклонился Стояну. Похоже, он совсем не хотел расставаться.

- Прощай, отец. Спасибо за все.

Тот обнял его, но сказал:

- Вижу, спешить надо, поеду. Храни вас Бог, - повторил Стоян.

Идя обратно, ведя за уздечку ослика, Стоян, кажется, утирал слезы. Да и Иван глядел ему вслед с такой печалью, как будто сейчас его самого на казнь поведут. Голову понурил, однако стоял прямо, развернув плечи, как часовой на посту. Немудрено, что грек Спиридон опознал в нем русского солдата: Ивана выдали не только светло-серые глаза, но и выправка.

- Ладно, Иван, не грусти. Давай знакомиться! Я - Николай. Ты в каком полку служил?

Тот с удивлением посмотрел на него:

- Ты где так обучился балакать по-нашему? Вроде, на русского не похож...

- Зато твоя рожа - самая русская. Рязанская.

- Я с Тулы, - печально улыбнулся тот.

- Казюк?

- Тебе и прозвище туляков ведомо? Значит, и ты с России? ...Казюками только городских зовут, тех, что к казенным заводам приписаны. А я с деревни, нас птицеловами обзывали.

- А почему тебя молдаванином назвали?

- Полк наш в Кишиневе стоял, я молдавский язык еще до войны выучил.

Они неторопливо углубились в лес. Правильно сказал Тодор: тропа засыпана снегом, но по деревьям ее можно определить. Брести по снегу было трудно. Шли, выглядывая справа пещеру. Разговаривать обоим не хотелось. Ивана, похоже, печалило расставание со Стояном, а Николай тревожился о Радко. После того, как он убил турок, в городе должно же что-то происходить: его должны искать! Сможет ли Радко выйти? Пещеру все ж нашли: увидели сквозь голые деревья темную щель в скале.

- Костерок бы развести, а то я промок насквозь, - предложил Иван.

- Спички у меня есть. Да боюсь, испортились, пока я в тачке под куриным пометом ехал.

- У меня спички есть, Стоян снабдил. А как это - под пометом?

Николай рассказал, как его вывез Тодор.

- Выходит, спас тебя... А меня Стоян подобрал. Однако меня он травой прикрывал, это приятней, - ухмыльнулся Иван, соскребая тесаком бересту со ствола.

Разводить большой костер не стали. Хотя вход в пещеру плотно окружали высокие деревья, но все ж с другой горы, от заставы, через которую Николай вошел в Шумлу, стражники могли заметить дым. Сделали маленький костерок, только чтоб руки погреть да чуток подсушиться.

И очень хотелось избавиться от неприятного запаха. Тодор закрывал его мешковиной, но к одежде все равно прилипло немало мелких птичьих экскрементов. Хорошо еще, что помет был сухим. Выложил оружие, снял куртку, жилет, стал их протряхивать. Иван оценил пистолеты, сказал уважительно:

- Эвон что у тебя!.. Поди, офицерские?

- Офицерские...

- Так Вы, Ваше благородие...

- Подпоручик, - назвал свой чин Целищев и тотчас же пожалел о сказанном, заметив, как напрягся, вытягиваясь в струнку, Иван. - Но сейчас я без формы, потому для тебя остаюсь просто Николаем. Ну, какой из меня офицер в таком костюме?

Иван оглядел его, молодого человека в широких болгарских штанах, в домотканой рубаше, энергично стряхивавшего с вышитой жилетки вонючие крошки, и засмеялся негромко:

- И то правда! Офицер, барин, а весь в помете! ...Ишь, как бывает!

Больше слова «благородие» Иван не произносил, однако раскованности в общении, которая поначалу возникла, уже не было.

Глава 11

Ждали целый день. Николай, возможно, и нашел бы дорогу без Радко, но этого совершенно не хотелось. Не хотелось верить в плохое. И оба молились, чтобы с парнишкой ничего не случилось...

Радко пришел, когда уже стемнело. Он был возбужден, спешил рассказать, что в городе творится. Николай заторопил:

- Идти надо!

Спустились с одной горы, перебрались через бурную Поройну, прыгая с камня на камень, поднялись на другую гору. Радко хорошо знал местность, но и ему ни разу доселе не приходилось пробираться по этой тропе весной, по снегу. Измучились, пока выбрались на дорогу. И шли по ней, пока были силы. На рассвете укрылись в лесу, отдохнули, пошли дальше. Там, где дорога петляла по лесу, они, только заслышав вдали шум, прятались. Однако впереди ждала открытая местность. Решили, что ее пройдут ночью. Ночью, когда подмораживает, ведь и идти легче.

Шли, освещаемые звездами: три путника среди снежной равнины. Вдруг из-за перелеска, что темнел справа от дороги, раздался разбойничий свист. Николай выхватил пистолеты, один вручил Ивану. А оттуда донеслось ржание, и ...сюда несся его конь!

- Булан! Буланчик, ты?!

Конь подбежал, ткнулся мордой в плечо.

- Буланчик, как я по тебе соскучился! Прости, мне тебя и угостить нечем... - шумно радовался Николай, поглаживая лошадиную морду.

А за Буланом из-за кустов выехали пандуры. Любомир улыбался:

- Ну, слава Богу, живы! Мы третий день караулим. Полковник уже весь извелся. Крестьяне проехали, а вас нет, так мы не знали, что и думать.

О, какими родными, милыми показались Николаю эти партизаны! Он готов был их расцеловать - каждого! И они, воины, страшные при встрече с турками, шумно радовались, что подпоручик снова с ними.

Полковник Липранди ждал в деревне, в самом крайнем доме. Когда Николай предстал перед ним, он просиял, взяв за плечи, оглядел оценивающе:

- Вернулись целым и невредимым? Слава Богу!

Устроившись у огня, отогреваясь, подпоручик Целищев докладывал ему о результатах, и Липранди удовлетворенно кивал, давал оценку. О встречах с Тагиром и Хаимом сказал: «Я не сомневался, что Вы сможете найти подход к этим людям!». Похвалил за то, что вывели из Шумлы солдата, сказал, что донесет о нем в штаб, а пока пусть Иван у пандур в отряде будет: кажется, они наш-

ли общий язык. Покачал удивленно головой, узнав, как Николай сразил троих турок: «О! У Вас прекрасная реакция! Вряд ли кто другой смог бы выбраться из такой переделки!». А сведения о французе полковника сильно озадачили. Он задумчиво высказал:

- Значит, Франция ведет здесь свою игру... Так-так... Что же это значит? Спешат таскать каштаны из огня?

- Может, этот француз на Австрию работает?

- Все может быть, не исключено... Я планировал отсюда ехать прямо в Праводы. Но, выходит, надо еще у Волчана побывать, ему сообщить... Может, он что-то знает, найдет объяснение?

Но Волчан Войвода не смог ничего добавить. Вести из Шумлы его чуть не привели в бешенство:

- Греки думают только о себе. От меня уже ушли лучшие гайдуки, а им все мало! А нам, болгарам, кто поможет? - возмущался пожилой Войвода. - Дождемся ли мы помощи хоть от кого-нибудь?! ...Вот и французы для греков собирают добровольцев, а не для нас. Греки получают свободу, а болгары опять ни с чем останутся!

- Но, Волчан, учти, что греки давно воюют... - напомнил Липранди.

- Давно-то давно... Но им проще!

- Но их жертвы огромны! Безусловно, греки заслужили свободу...

И Волчан напустился на Радко:

- Ты хочешь им помогать? Грекам и так все помогают, а нам - нет. У них князья, богатые купцы, а у нас - кто? Болгарам даже архиепископов нельзя своих иметь: простой поп - болгарин, а митрополитом его не назначат. Над нашим священником командир - грек! Куда ни глянь - везде грек сидит, управляет!

Липранди вступился за Радко:

- Ну не будь столь грозным, Волчан. Откуда ему знать про все эти интриги? - и, посмотрев на расстроенного съездившегося под тяжелым взглядом Волчана юношу, улыбнулся и предложил. - Так, Вы, молодой человек, горите желанием ехать в Грецию? А не хотели б в Россию?

- Зачем?

- Учиться! Если получите хорошее образование, пользы от Вас будет намного больше, чем от гайдука. Поедете в Киев, выучитесь...

- Зачем в Киев? - вмешался Николай. - Пусть в Петербург едет!

Радко хлопал глазами, Волчан тоже с большим недоверием взирал на полковника:

- Ты, полковник, не шути!

- Я и не шучу. У меня в Киеве есть хорошие друзья, напишу им, и юноше помогут. Но только условие: чтобы родители это одобрили.

- Не-е-е, они ни за что не отпустят! - жалобно пробормотал Радко.

- Уговори! - приказал Волчан. - Или приведи отца ко мне, я поговорю. Если полковник обещает помочь, поезжай! ...Только дай клятву, что, выучившись, вернешься на родину! Мало среди нас ученых, а грамотные люди болгарам нужны, очень нужны...

- Правильно! - поддержал Николай. - Деду своему скажи, что в Петербурге у моей мамы жить будешь! Я у тебя гостил, вы мне помогали, и моя мама тебе во всем помогать будет.

- Ну и решено! Когда родители дадут добро, отправим тебя на учебу, - подвел итог полковник Липранди.

Возвращение в Праводы получилось спокойным, без приключений. Но

торопились. Липранди купил у крестьян корзину вареных яиц, очень хотелось успеть к Пасхе.

ЭПИЛОГ

По итогам русско-турецкой войны 1828-1829 годов Греция, восставшая против турок в 1821 году, получила независимость.

Много болгарских семей в 1830 году ушло вместе с русскими войсками в Россию. Но потом, когда Турция, подталкиваемая англичанами, спровоцировала новую войну с Россией, болгары активно воевали против турок. Война 1853-1856 годов началась успешно для русской армии. Однако европейцы, страшась усиления Российской империи, создали коалицию в составе Британской, Французской империй и Сардинского королевства и встали на защиту ослабленной восстаниями угнетенных народов Османской империи; союзническим державам активно помогала Австрия. Воевать с объединенной Европой России было сложно. Крымская война оказалась трагичной и для русских, и для болгар.

И еще 20 лет прошло, прежде чем Россия смогла взять реванш в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. 10 января 1978 года русская армия, как и в 1829-м, вошла в Адрианополь, султан был готов подписать мир на условиях России. Но Европа снова вмешалась. Англия ввела свой флот в Мраморное море, угрожая нападением на Россию. Александр II, опасаясь новой войны со всей Европой, уменьшил свои требования. 19 февраля 1878 года при посредничестве Англии был заключен Сан-Стефанский договор, по которому Болгария получила широкую автономию. Однако и эти условия не устроили европейские государства. В июне-июле 1878 года в Берлине состоялся конгресс, на котором были пересмотрены решения, заключенные между Турцией и Россией. В итоге Болгария была разделена на несколько частей, независимость получала только северная часть, а южная возвращалась Турции. Также независимость обрели Сербия, Черногория и Румыния. Босния и Герцеговина получали статус автономии, однако фактически почти сразу же были оккупированы Австро-Венгрией. А Великобритания приобрела Кипр.

Европейцы умеют таскать каштаны из огня, загребать жар чужими руками.

Русские воины во все времена мужественно сражались. Однако дипломатам России почти всегда не хватало ловкости, умения противостоять изворотливым европейским политикам, чтобы пользоваться результатами побед.

А Радко сдержал клятву, данную гайдуку Волчану. Получив прекрасное образование в России, он вернулся на родину и стал просвещать народ. Он присоединился к движению будителей: активистов национального возрождения. Его ученики в последствии стали строителями независимого государства Болгария.

*Елена ГОСТЕВА,
писатель
(г. Тюмень)*